Барте́нев П. И. Десятнадцатый век: исторический сборник, издаваемый Петром Барте́невым (издателем "Русского архива"). М. : Изд-во: Кн. 2 Тип. И. К. Грачева. Тип. Ф. Иогансон, 1872. С. 333–334.

Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. Письма. С. 203–204.

Булга́рин Ф. В. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0170.shtml (дата обращения – 23.04.22).

Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб. : Ивана Лимбаха, 1998. 278 с.

Горди́н Я. А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. Изд-во Пушкинского фонда, 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/gordin_yakov/dueli_i_duelyanti_panorama_stolichnoy_gizni.html (дата обращения – 21.04.22).

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 608 с.

Оболенский Е. П. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/obolenskij_e_p/text_1861_vosp_oldorfo.shtml (дата обращения – 09.04.2022).

Приказчикова Е. Е. По законам чести и чувствительности: военная мемуарная литература наполеоновской эпохи. Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 184–203.

Рейфман И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.

Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. М. : Современник, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/CRAZY.HTM> (дата обращения – 21.04.2022).

Шапováлова С. П. Женщина и русская дуэль. Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. 4. №8. 2007. С.44–48.

Serykh V. O. The duel of V. Novosiltsev and K. Chernov in the memoir-epistolary discourse of the 1820s.

Abstract. The article examines the specifics of the perception of the dueling tradition in the Russian noble society of the 1820s. The material includes epistolaries and documentary prose dedicated to the resonant duel of V. Novosiltsev and K. Chernov on September 10, 1825. This duel became widely known as an event marking a sharp turn from the «brether» duels of the Napoleonic era to the so-called «duels of honor».

Keywords: russian duel, V. Novosiltsev, K. Chernov, XIX century, epistolaries, brether.

Л. О. Мысовских

(научный руководитель **О. В. Зырянов**)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Экзистенциальные основания темы смерти в письмах Ф. И. Тютчева

Аннотация. В статье сквозь призму религиозного экзистенциализма С. Кьеркегора и К. Ясперса исследуется тема смерти в письмах Ф. И. Тютчева. Автор приходит к выводу, что Ф. И. Тютчев был ввергнут в пограничное состояние, обусловленное чувством вины и отчаяния, что и явилось причиной его мрачных мыслей о смерти. В статье представлены объяснения и способ разрешения данной кризисной ситуации, предложенные основателем экзистенциализма С. Кьеркегором, который видел выход из нее в Божественной вере.

Ключевые слова: экзистенциализм, религия, философия, художественная литература, теория литературы, русская литература.

С точки зрения экзистенциальной философии смерть не универсальна, но вместо этого каждый человек обладает уникальным осознанием своей собственной смерти. Основоположник экзистенциализма Серен Кьеркегор (1813–1855) указывает, что смерть не рациональна и объективна, а является нерациональным и субъективным опытом. Кьеркегор утверждает, что «для христианина смерть – вовсе не конец всего, и не простой эпизод в единственной реальности, каковой является вечная жизнь» [Кьеркегор2014: 27]. Смерть, неизбежный процесс существования, является моментом, который наиболее торжественно раскрывает потенциальную детерминацию отдельного индивида. По Кьеркегору, конечный индивид может иметь чистые и полные индивидуальные отношения с бесконечным Богом только через веру.

В письмах русского поэта Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) можно довольно часто обнаружить обращение автора к теме смерти. Б. М. Эйхенбаум в статье «Письма Тютчева» отмечает, что «мысль о смерти неотвязно тревожит Тютчева – его письма переполнены рассказами о последних минутах, о похоронах...» [Эйхенбаум 1924: 57]. Больше всего о смерти Тютчев вспоминает в письмах к своей второй жене Эрнестине Федоровне, с которой он общался в эпистолярном жанре на протяжении довольно длительных разлук, в том числе, когда поэт жил не со своей официальной женой, а с возлюбленной Еленой Александровной Денисьевой.

Федор Иванович был человеком весьма страстным и влюбчивым. Помимо наиболее скандальной связи с Е. А. Денисьевой существуют и другие слухи о его романах. Любовная связь вне брака в христианской традиции считается грехом прелюбодеяния. А наличие супруги у прелюбодея является отягчающим обстоятельством, так как он, во-первых, вдвойне оскорбляет Бога, не только совершая грех прелюбодеяния, но и оскверняя освященный Им союз, а во-вторых, еще и ранит близкого человека. Тютчев, будучи религиозным человеком, конечно, осознавал это и, наверняка, был мучим угрызениями совести. Это должно было ввергать поэта в состояние экзистенциальной расколотости, являющееся своеобразной пограничной ситуацией, о которой писал Карл Ясперс: «духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномии» [Ясперс 1991: 322]. Осознавая свою греховность, религиозный человек неизбежно испытывает чувство вины перед Богом. А в теориях Ясперса вина и смерть неразрывно связаны. Ясперс утверждает, что «не только смерть, но и смертельная болезнь, страдание, вина, борьба тоже ставят индивида в пограничную ситуацию, делая неизбежным осознание собственной конечности, вырывая его из мира повседневности, заботы, страсти и огорчения которого обнаруживают теперь свою несущественность» [Ясперс 1991: 18]. Анализируя теории Ясперса, Г.-Г. Гадамер приходит к выводу, что среди множества пограничных ситуаций «у самого Ясперса особо выделена ситуация смерти, наряду с ней – ситуация вины. В том, как человек ведет себя, когда он виновен, более того, когда он оказывается лицом к лицу со своей виной, нечто выходит наружу, обнаруживается – *existit*» [Гадамер 1991: 21]. То есть Ясперс именно через пограничную ситуацию вины и смерти закладывает в фундамент своей теории введенную Кьеркегором категорию экзистенции. Сам Кьеркегор рассматривает смерть как возможность открыть мир парадоксов, которые не могут быть разрешены с помощью разума: встреча конечного индивида с вечным Богом. По Кьеркегору, событие воплощения – это парадоксальная встреча между человечеством, временными существами, и Богом, вечным существом, и именно в этот момент активизируются как грех, так и бесконечная любовь Бога. Вера в это событие означает начало новой жизни, сопровождаемой Богом, при одновременном признании грехов и ограничений человека и проблем с существующими социальными практиками, включая борьбу с грехами и активную практику любви.

Важным является тот факт, что тема смерти в письмах Тютчева к Эрнестине Федоровне заметно усиливается после 1850 года, когда Тютчев влюбляется в Елену Александровну Денисьеву. Этот момент становится поворотным в развитии чувства вины у Тютчева, ввергая его в пограничную ситуацию. А после кончины Елены Александровны Тютчев практически перестает писать Эрнестине Федоровне, и тема смерти из писем переходит в стихи, что также может рассматриваться в качестве подтверждения нашей гипотезы. Теперь Тютчев перестает открыто изменять законной супруге, и чувство вины перед ней начинает притупляться. Однако вина перед Богом за совершенный грех остается. Тютчев не стремился публиковать свои стихи, следовательно, писал их не для людей. Скорее, в стихах он изливал душу перед Богом, ведя с Ним своеобразный диалог посредством поэзии. Именно поэтому после кончины Е. А. Денисьевой тема смерти и переходит в стихи: теперь Тютчев страдает от осознания своей вины перед Богом и изливает свои душевные муки Ему через поэзию. Таким образом, частое обращение к вопросам смерти в письмах Тютчева, адресованных его законной супруге Эрнестине Федоровне, которой он открыто изменял, на наш взгляд, может иметь экзистенциальное основание.

Особенностью эпистолярного жанра является его интимность. Автор адресует свое письмо единственному и вполне определенному человеку, а не широкой читательской аудитории. Это позволяет быть уверенным, что в своих письмах к супруге Тютчев был вполне искренен и выражал те эмоции, которые действительно волновали его душу. Так, в письме от 9 июля 1851 г. Тютчев пишет: «Ничто не успокоит смертной тоски, что охватывает меня, едва я перестаю тебя видеть. И все же я прекрасно знаю, что поддайся я этому голосу ради краткого облегчения – я лишь усугублю непреодолимую власть болезни...» [Тютчев2005: 44]. Тут очевидна аналогия с Кьеркегором концептом отчаяния, которое он считал грехом и «болезнью к смерти». Это отчаяние без возможностей, надежд или вариантов. «Отчаяние – это безнадежность, состоящая в невозможности даже умереть» [Кьеркегор 2014: 34]. По мысли Кьеркегора, тревога – это чувство вероятности, которое человек испытывает по отношению к какому-либо событию, отношениям или поступку в мире. В отличие от отчаяния, оно возникает из-за внешней ситуации. Отчаяние, с другой стороны, включает в себя столкновение с собственным самопротиворечием. Именно самопротиворечие терзает Тютчева, который всей душой хочет увидеть Эрнестину Федоровну, но не может этого сделать, так как осознает, что такая встреча даст облегчение лишь на краткий миг, за которым последуют еще большие страдания и еще более тягостное отчаяние. И Тютчев покорно принимает свои страдания. Кьеркегор утверждает, что смерть приводит человека к бесконечной покорности, которая является величайшим страхом и этическим самопротиворечием. Когда человек сталкивается с последним моментом этической фазы, он достигает этического самопротиворечия: бесконечной покорности. Когда Аврааму приходится готовиться к убийству своего сына Исаака, этическое мышление останавливается, и он достигает состояния бесконечной покорности и отчаяния. Если быть более точным, это состояние предполагает неспособность жить или умереть, даже желание умереть. Для Авраама было бы лучше умереть, чем убить своего сына, которого он обрел только в старости. По существу, отчаяние характеризует невозможность, которая ощущается в пропасти между конечностью и бесконечностью, между стремлением к свободе и принятием обязательного. Это встречается в поисках истинного «я», на границах размышлений о смысле жизни, существовании Бога и идентичности себя. Здесь люди склонны делать две вещи: они либо отворачиваются от таких фундаментальных проблем, либо думают только о необходимости, впадая в пессимизм из-за своих детерминистских и фаталистических перспектив.

Покорно принимая страдания от разлуки и осознавая невозможность своими силами изменить сложившуюся ситуацию, Тютчев уповает на защиту Бога. В письме от 4 сентября 1851 г. он пишет: «Милая моя кисанька... Всякий раз, когда я вижу, как смерть наносит

очередной свой удар, 1000 верст, разделяющие нас, тяжелым камнем ложатся мне на сердце... Да хранит вас Бог» [Тютчев 2005: 103].

Рассказывая о похоронах Е. А. Карамзиной в письме от 17 сентября 1851 г., Тютчев отмечает, как набожность помогает родственникам покойной преодолеть отчаяние и страх: «Горе их велико, хоть его и смягчает и как бы господствует над ним благоговейное чувство – возвышенно-набожное у Лизы, набожное и у Софи, но на свой лад. Говорили о подробностях этой столь скорой смерти, совершенно лишенной обычных страхов, тоски и т. д. Вокруг было столько жизни, что смерть почти исчезала, но все же, когда ощущение действительности возвращалось, бедная Лиза снова принималась плакать и рыдать...» [Тютчев 2005: 107]. Кьеркегор предлагал человеку для спасения такой же путь. Через беспокойство и отчаяние экзистенциальные индивиды могут найти возможность истинной свободы, избавленной от страха, осознав лживость конечных целей, когда они не сопровождаются верой в Бога: «единственное, что поистине способно обезоружить софистику страха, – это вера, мужество верить, что само состояние страха является новым грехом, мужество бесстрашно отказаться от страха, а на это способна только вера; вера не может тем самым уничтожить страх, но сама, будучи вечно юной, снова и снова выпутывается прочь из смертного мгновения страха» [Кьеркегор 2014: 143]. Конечной точкой при обсуждении смерти, отчаяния, свободы у Кьеркегора является вера. Когда человек обретает веру, он видит жизнь через призму отношений с творцом; несмотря на человеческую уязвимость, ограниченность и смерть, человек приходит к пониманию, что существование создается и поддерживается в вечном, безграничном мире, спланированном творческими силами Бога.

Хотя сам Тютчев чувствует, что спасение от страха и тревоги нужно искать в вере, мрачные мысли и опасения не покидают его. В письме от 16/28 октября 1853 г. Тютчев пишет: «Видишь ли, киска, есть люди, которых преследует мысль о смерти, меня же преследует, как угроза искупления, страх потерять тебя...» [Тютчев 2005: 144] От 23 июля 1856: «Я подобен человеку, который заранее знает, какой род смерти ему предопределен, и вследствие этого всегда и во всем видит предвестников события, коего должен опасаться» [Тютчев 2005: 246]. Кьеркегор сумел найти объяснение подобным тревогам и предложить способ спасения от них. Датский мыслитель пришел к выводу о существовании парадокса, в котором человек есть и реальность, и бытие, и возможность, и небытие. Подобно тому, как гусеницы меняются и становятся бабочками, люди создаются из потенциального и возможного состояния и входят в состояние реальности. Однако существование реальности является еще одной потенциальной возможностью для творения. Реальность людей всегда тревожна, потому что различные возможности и выбор не были установлены, что приводит к неопределенным ожиданиям. Для Кьеркегора смерть является возможностью для постоянного творения экзистенциального индивида. Другими словами, не все определяется один раз с последовательными причинами и следствиями, но вместо этого каждый отдельный момент ищет новый выбор и возможности творения. Смерть символизирует неопределенность, которая существует в каждый момент жизни, и это процесс, в котором человек ощущает смысл самоидентификации и существования, процесс, в котором он постоянно отражается и воспроизводится.

В письме от 15/27 июня 1859 г. Тютчев восклицает: «Ах, одиночество – это смерть моя...» [Тютчев 2005: 300]. Категория «одиночество» в качестве экзистенциальной однозначно присутствует в западноевропейской философии XX века. Однако некоторые исследователи также относят ее к экзистенциальной философии Кьеркегора, наделяя одиночество религиозным содержанием. Так, Н. В. Бедрицкая считает, что «для Кьеркегора высокое значение одиночества, уединения заключается в том, что оно ведет к Богу. Но и иначе: путь к Богу – всегда путь одинокого» [Бедрицкая 2008: 19]. Однако в данном письме Тютчев не рассматривает одиночество как путь к Богу, если не считать таковым путь к смерти от мук, вызываемых одиночеством. Для Тютчева одиночество – это тягостное чувство. Возможно, в одиночестве Тютчев острее ощущал состояние экзистенциальной

расколотости, оставаясь один на один со своим чувством вины, ввергавшим поэта не только в духовную болезнь отчаяния, но и в физическую болезненность...

Кьеркегор предлагает путь к преодолению этих болезней, который заключается в синтезе конечности и бесконечности через веру в Бога. Столкновение со смертью за пределами отчаяния возможно только путем объединения бесконечности и вечности в смертном теле. Люди могут поддерживать свой дух, принимая конечность и смерть только через Бога, Который бесконечен и вечен. Это позволяет создать состояние ума, которое поддерживает спокойную радость, непоколебимую перед лицом конечного страдания. Можно с уверенностью утверждать, что Тютчев разделял предложенный Кьеркегором путь. Это отчетливо проявляется в его поэзии, пусть до конца не свободной от мучительных болезней духа, но насыщенной религиозными мотивами и облегчающей эти мучения искренней верой в Бога.

Литература

Бедрицкая Н. В. Проблема одиночества в философии экзистенциализма (Вызов «пустующего места» Другого) / Н. В. Бедрицкая // Философия и социальные науки: научный журнал. 2008. № 3. С. 18–22.

Кьеркегор С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор [Пер. с дат. Н. В. Исаевой]. М.: Академический проект, 2014. 160 с.

Кьеркегор С. Понятие страха / С. Кьеркегор [пер. с дат. Н. В. Исаевой]. М.: Академический проект, 2014. 224 с.

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. М.: Искусство, 1991. 367 с.

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т.5 / Ф. И. Тютчев. М.: Классика, 2005. 496 с.

Эйхенбаум Б. М. Письма Тютчева // Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Л.: ACADEMIA, 1924. С. 50–61.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Mysovskikh L. O. Existential foundations of the theme of death in the letters of F. I. Tyutchev

Abstract. The article examines the theme of death in the letters of F. I. Tyutchev through the prism of religious existentialism of S. Kierkegaard and K. Jaspers. The author comes to the conclusion that F. I. Tyutchev was plunged into a borderline state caused by a sense of guilt and despair, which was the reason for his gloomy thoughts about death. The article presents explanations and a way to resolve this crisis situation proposed by the founder of existentialism, S. Kierkegaard, who saw a way out of it in Divine faith.

Keywords: existentialism, religion, philosophy, fiction, literary theory, Russian literature.

А. С. Ковальская

(научн. руководитель Е. К. Созина)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Мифотворческое начало в переписке К. Бальмонта и В. Брюсова

Аннотация. Цель статьи – выявить особенности авторского мифотворчества, свойственного эстетике символизма, на материале писем К. Бальмонта и В. Брюсова. Образ Брюсова, сконструированный Бальмонтом в письмах, мифологизируется: Бальмонт вводит мотив священного «братства», распространенный в переписках поэтов-символистов тех лет.